

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

27234

WIDENER

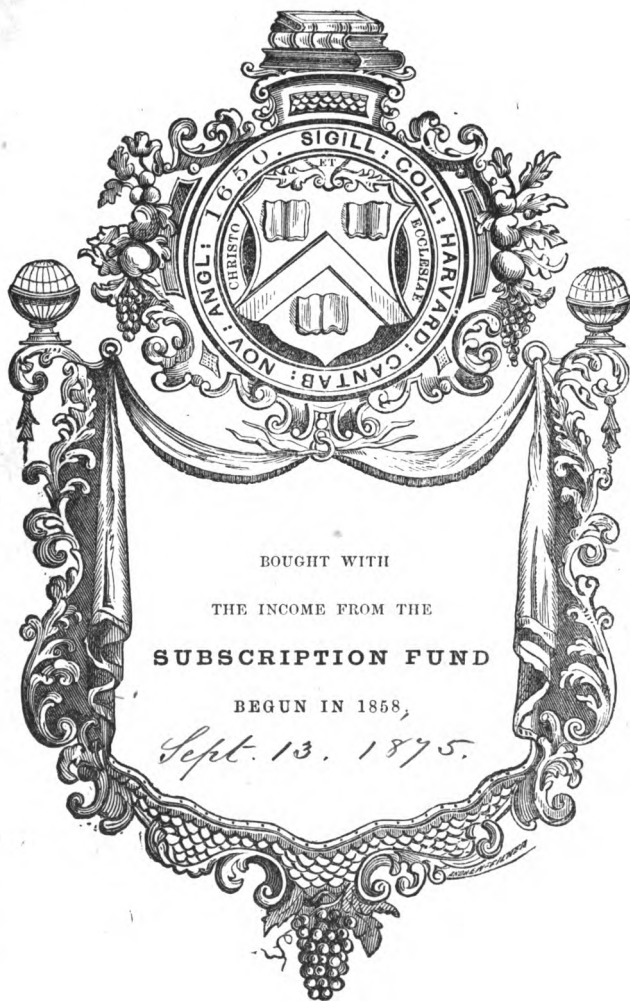

HN YD97 H

34169

27234.75

Recd. Oct. 1875.

Legends, etc.

- Russ. I.

0

**ОБЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ
НАРОДНЫХЪ
ПѢСНЯХЪ СЕРБОВЪ,**

СОЧИНЕНИЕ

А. С. Соголова
А. СОВОЛОВА.

КАЗАНЬ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1854.

27234.7, 5
~~27232.10~~
✓

1875, Sept. 13.
Subscription Fund.

Перепечатано изъ Ученыхъ Записокъ книжки II-й за 1854 годъ.

О в ѣ
И С Т О Р И Ч Е С К И Х Ѣ
Н А Р О Д Н Ы Х Ѣ П Ъ С Н Я Х Ѣ С Е Р Б О В Ѣ .

Uns ist in alten mären wonders vil geseit,
von heleden lobebären, von grozer arebeit,
von vreuden und' hochgeziten, von weinen und'
von chlagen,
von chüner rechen striten muget ir nu wunder
horen sagen.
(*Das Niebelungen-Lied.*)

Вилльмень, характеризуя испанскіе романы средних вѣковъ, говоритъ: «въ литературѣ Италіи, Англіи и Франціи, вы не найдете такого обилія пѣсенъ вполне національныхъ, какъ въ Испаніи; вы не найдете народного романа на каждый случай, о каждомъ замѣчательномъ лицѣ. Въ томъ-то и состоитъ главный характеръ испанской литературы средних вѣковъ: менѣе разнообразная, не столь богатая, какъ другія литературы Европы, — она рѣзче характеризуетъ и

народъ, и страну, и исторію.» Этотъ отзывъ въ полной мѣрѣ можетъ быть приложенъ и къ народной поэзіи Сербовъ. Подобно Испанцамъ, борясь съ Мусульманами въ продолженіе пяти вѣковъ, Сербы выражали въ пѣснѣ и горе свое о потерѣ свободы, и кликъ торжества надъ притѣснителями, *свои радости на великъ день, и бѣды со кручинами на велико сиротство*. Всѣ эти пѣсни, не смотря на различіе тона и содержанія, кажутся отрывками одной огромной поэмы, отдѣльными рапсодіями народной Иліады Сербовъ. Постараюсь въ настоящей статьѣ дать нѣкоторое понятіе о нихъ тѣмъ изъ читателей, которые не имѣютъ возможности познакомиться съ ними въ подлинникѣ.

Племя Сербское, близкое къ намъ по языку и религіи, занимаетъ теперь все собственно такъ-называемое Княжество Сербское, также Боснію, Черногорію, Герцеговину, Далмацію съ островами, Славонію, военную австрійскую границу, и — кромѣ того — живетъ еще разсѣяннo въ Венгріи и Россіи (Новая Сербія). Сербовъ теперь болѣе шести милліоновъ. Изъ этого числа половина принадлежитъ къ Православной Церкви; изъ остальной половины большая часть исповѣдуетъ Католическую вѣру, а около 600.000 Мугаммедане.

Въ настоящее время, Сербы, живущіе подъ австрійскимъ правительствомъ, отличаются отъ своихъ турецкихъ собратьевъ болѣею образованностью. Просвѣщеніе высшаго сословія не уступаетъ европейскому; литературная дѣятельность ихъ, средоточіемъ которой служитъ г. Загребъ (Аграмъ), съ каждымъ годомъ дѣлается обширнѣе и разнообразнѣе, — хотя конечно не можетъ еще поравняться съ литературой другихъ

племень, — Русскихъ, Поляковъ и Чеховъ, — Обитатели же турецкихъ провинцій должны во многомъ уступить своимъ родичамъ. Хотя въ послѣднее время сербское правительство дѣятельно заботится объ образованіи народа, — заводитъ училища, типографіи; но жители селъ и деревень еще надолго сохранять нынѣшнюю суровость нравовъ и патріархальность въ образѣ жизни.

За то эти Сербы богаче своихъ соплеменниковъ народными пѣснями, особливо историческими: онѣ до сихъ поръ составляютъ единственную народную исторію, извѣстную всякому, — старому и малому. Даже теперь, каждое замѣчательное происшествіе, выходящее изъ порядка обыкновенной жизни, — битва съ Турками, удалой набѣгъ, смерть какого-нибудь знатнаго человѣка, богатая свадьба, — непременно находитъ для себя пѣвца между народомъ. Часто самъ герой дѣла воспѣваетъ свой подвигъ въ пѣснѣ, еще чаще какой-нибудь старикъ-слѣпецъ, опытный пѣвунъ, сложить пѣсню на извѣстный случай, и пѣсня эта становится достояніемъ народа, и идетъ изъ устъ въ уста, отъ рода къ роду. Любовью къ пѣснямъ и умѣньемъ слагать ихъ всего болѣе отличаются жители Босніи, Герцеговины, гористыхъ южныхъ краевъ Сербіи, и особливо Черногорцы. — Въ этихъ краяхъ, всякій Сербъ непременно знаетъ нѣсколько пѣсенъ, каждый домъ имѣетъ *гусли*,*) необходимую принадлежность юнацкой

*) Гусли равно употребляются у Сербовъ Христіанъ и Мугаммеданъ. Это что-то въ родѣ скрипки. Широкая, выдолбленная часть гуслей (коробъ) оканчивается длиннымъ грифомъ; конскіе волосы замѣняютъ струны. Смычекъ, по-сербски *удало*,

(молодецкой) пѣсни. Въ другихъ областяхъ, обитаемыхъ Сербами, хотя не менѣе любятъ пѣсни, но ужь нуждаются въ старцахъ-слѣпцахъ. Эти слѣпцы ходятъ изъ села въ село, останавливаются передъ домами, и поютъ свои рапсодіи, наигрывая на гусляхъ. Въ праздники, идутъ они къ монастырямъ и церквямъ, и по цѣлымъ днямъ поютъ собравшейся толпѣ про дѣла давно минувшихъ дней, про царя Лазаря, про битвы съ Турками. И такой вѣщій старецъ съ своими гуслями находитъ вездѣ ласковый приѣмъ и угощеніе. Любовь къ славѣ, увѣковѣченной пѣснями, такъ велика, что самъ Марко Королевичъ (герой изъ героевъ сербской народной поэзіи), умирая, завѣщалъ треть своего богатства слѣпцамъ: «пусть — де слѣпцы ходятъ по свѣту, пусть поютъ и поминаютъ Марка.»

Для насъ эти пѣсни тѣмъ любопытнѣе, что въ нихъ отражается весь Сербъ, каковъ онъ есть, со всеми своими достоинствами и недостатками. Желая узнать характеръ этого народа непременно долженъ обратиться къ пѣснямъ, и — смѣемъ увѣрить — не пожалѣетъ времени, посвященнаго на изученіе ихъ. — Въ настоящее время, это изученіе облегчено трудами многихъ усердныхъ дѣятелей, собиравшихъ народные произведенія. Между такими собирателями первое мѣсто по достоинству и обилію трудовъ занимаетъ Вукъ Сте-

есть согнутая вѣтвь дерева, на которой натянута конскіе волоса. Во время игры ставятъ инструментъ на колѣни, держа въ лѣвой рукѣ грифъ, а въ правой смычекъ. Гусли издають звукъ грубый и непріятный. Сербскіе виртуозы умѣютъ разнообразить ихъ тоны, то переставляя пальцы лѣвой руки, то болѣе или менѣе ускоряя удары смычка.

фановичъ Караджичъ. *) Самъ вышедшій изъ среды народа, знакомый съ его языкомъ, нравами и повѣрьями, — Вукъ Стефановичъ имѣлъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, возможности и склонности — посвятить себя народной литературѣ, и въ своихъ трудахъ онъ представилъ намъ богатые материалы для изученія своего народа. Обратимся къ главному предмету нашей статьи, къ его Собранию Народныхъ Сербскихъ Пѣсень. **)

Передъ нами послѣднее изданіе этой книги въ 3-хъ большихъ томахъ (*Српске Народне Пјесме*, Вѣна 1841, 1845 и 1846 г. 8°, I — 640 стр., II — 643, III — 568). Первый томъ

*) Родился въ 1787 г. — О его жизни и трудахъ смотри прекрасную статью, помѣщенную въ Московскомъ Сборникѣ.

**) Въ первый разъ изданы эти пѣсни въ 1814 г. Второе изданіе, въ трехъ книгахъ, вышло въ 1823 и 1824 г.; къ нему еще была присоединена 4-я книга въ 1833 г. — Онѣ встрѣчены были публикой съ любопытствомъ, и вскорѣ переведены на языки — нѣмецкій (*Volkslieder der Serben, von Talvj, 2 Th. Halle 1825, 1826. Die Wila, von Gerhardt, 2 Th. Leipzig 1828*), французскій (*Chants populaires des Serviens, par E. Voyard*) и англійскій (*Servian Popular Poetry, by John Bowring. London 1827.*) — У насъ также обратили вниманіе на сербскія пѣсни: Пушкинъ перевелъ двѣ изъ нихъ — «Соловей» и «Братья и Сестра;», гг. Касторскій и Бергъ напечатали нѣсколько своихъ переводовъ. — Кстати будетъ упомянуть здѣсь и о поддѣлкѣ г. Меримѣ. Книга его «*La Guzla*,» содержащая, (будто бы) переводъ сербскихъ пѣсень, ввела въ заблужденіе многихъ. Впрочемъ, судя по тѣмъ пѣснямъ, которыя переведены изъ Меримѣ Пушкинцѣмъ, видно, что авторъ рѣшительно не былъ знакомъ съ сербской народной поэзіей. Самое замѣчательное въ его книгѣ — есть рассказъ о жизни Іакинаа Меглановича, вымыселъ, переданный съ удивительнымъ правдоподобіемъ.

заключаетъ въ себѣ женскія, или лирическія, пѣсни, числомъ 793; второй — юнацкія (героическія) пѣсни, относящіяся къ древнѣйшимъ временамъ, числомъ 101; третій 89 юнацкихъ пѣсенъ позднѣйшаго періода. Долженъ выйти еще 4-й томъ, въ который войдутъ пѣсни, принадлежащія новѣйшему времени.

По формѣ и содержанію, эти пѣсни дѣлятся — главнымъ образомъ — на двѣ части: женскія и юнацкія. Такое дѣленіе допустилъ и самъ издатель. «Всѣ наши пѣсни — говоритъ онъ — раздѣляются на юнацкія, которыя поются съ гуслями, и на женскія, которыя поются не только женщинами и дѣвушками, но и мущинами, особливо парнями, и — по большей части — вдвоемъ. Женскія пѣсни поются — однимъ-ли, двумя ли — для собственнаго развлеченія; а юнацкія — большею частью — поются для того, чтобъ другіе слушали. Поэтому въ женской пѣснѣ больше обращается вниманія на голосъ ея, чѣмъ на содержаніе; а въ юнацкой — больше на содержаніе.»*)

Женскія, или лирическія, пѣсни отличаются разнообразіемъ размѣра, живостью разсказа. Содержаніе ихъ — домашній бытъ съ его радостями и печалами: любовь къ роднымъ, къ милому, разлука съ милымъ и т. п., однимъ словомъ, то, что не выходитъ изъ круга семейной жизни. — Такъ-какъ статья эта посвящена пѣснямъ историческимъ, то мы не вдадимся въ ближайшее разсмотрѣніе характера пѣсенъ лириче-

*) Предисловіе Вука Стефановича ко 2-му изданію сербскихъ пѣсенъ.

скихъ; но чтобъ дать читателямъ нѣкоторое понятіе о нихъ, приведемъ пять - шесть въ дословномъ переводѣ.

1.

Дѣвушка сидѣла покрай моря и говорила сама съ собой: «Господи Боже мой! Есть ли что—шире моря? Есть ли что—длиннѣе поля? Есть ли что—быстрѣе коня? Есть ли что—слаще меду? Есть ли что—дороже брата?» — Говорила ей рыбка изъ воды: «глупенькая ты дѣвушка! не бо—шире моря, море—длиннѣе поля, очи—быстрѣе коня, сахаръ—слаще меду, милый—дороже брата.»

2.

Олень щиплетъ траву по горѣ. Одинъ день щиплетъ, на другой день тоскуетъ, на третій — горько жалуется. Спрашивала его вила (русalka) съ горы: «скажи мнѣ, лѣсной звѣрь-олень, отчего ты одинъ день щиплешь траву по горѣ, на другой день тоскуешь, на третій—горько жалуешься?» Отвѣчаетъ ей тихо олень: «сестра моя, горная вила! у меня большое горе: была у меня лань; пошла она за гору къ рѣкѣ, пошла да назадъ неприводитъ. Заблудилась ли она гдѣ-нибудь на пути, или ее поймали ловцы, или она оставила меня совсѣмъ и полюбила другого оленя?! Если она заблудилась,—дай Богъ, чтобъ поскорѣе нашла меня; если ее поймали ловцы,—дай Богъ, чтобъ и я попался имъ; если она оставила меня и полюбила другого оленя,—дай Богъ, чтобъ ее поймали ловцы!»

3.

Дѣвушка спорила съ солнцемъ: «яркое солнце! я красивѣе тебя, тебя и брата твоего, свѣтлаго мѣсяца, и твоей се-

стры, звѣзды переходной, что проходить черезъ ясное небо, какъ пастухъ передъ бѣлыми овцами.»—Яркое солнце жаловалось Богу: «что мнѣ дѣлать, Господи, съ проклятой дѣвущкой?» А Богъ солнцу тихо отвѣчаетъ: яркое солнце, мое дорогое чадо! не сердись, будь повеселѣе: мы легко управимся съ дѣвицей. Ты засіяй такъ, чтобы она загорѣла; а я дамъ ей недобрую долю: малыхъ деверей, злую свекровку и сердитаго свекра. Тутъ-то узнаетъ она, съ кѣмъ вздумала спорить.

4.

Вчера пришла ко мнѣ горькая вѣсточка, горькая вѣсточка въ злую пору, — что милая моя выходитъ за мужъ, и за кого же? — (это еще досаднѣе!) за моего побратима, и побратимъ зоветъ меня къ себѣ въ дружки. Какъ буду я, бѣдный, дружкой? Чтò я скажу, когда стану пить за ея здоровье? Сказать ли ей: здравствуй, сноха моя! или сказать: здравствуй, милая моя! Сказалъ бы: «здравствуй, сноха моя,» — да не одолѣть мнѣ своего сердца; если скажу: «здравствуй, милая моя,» — досадно будетъ моему побратиму. Горько идти туда, вдвое хуже не идти!

5.

Три дѣвушки посѣяли цвѣточки: на горѣ — незабудки, подъ горой — васильки. Прилучился неженатый парень, посрывалъ у дѣвушекъ цвѣточки. А дѣвушки сплели тенета, и поймали холостаго парня. Одна говоритъ: сожжемъ его! Другая говоритъ: прогонимъ его! Третья говоритъ: повѣсимъ его! Промолвилъ имъ неженатый парень: «я вѣдь не золото: такъ вы меня не жгите; я вѣдь не колдунья: не го-

ните меня; а я молодецъ: такъ вы меня повѣсьте на зломъ деревѣ — на дѣвичьей шеѣ!»

6.

Милая моя! вышла ли ты за-мужъ? — «Да, мой милый, вышла, и у меня ужъ есть дитя. Я дала ему твое имя. Когда зову его, чтобы утѣшить себя, то не говорю: поди сюда, сыночикъ! а говорю: поди сюда, мой милый!»

Теперь обратимся къ историческимъ пѣснямъ.

Историческія пѣсни обширнѣе лирическихъ: немногія имѣютъ меньше ста стиховъ; всего чаще — отъ 200 до 400 и болѣе; есть даже свыше тысячи. Онѣ всѣ вообще имѣютъ одинаковый размѣръ, т. е. каждый стихъ ихъ состоитъ изъ 10 слоговъ, съ цезурой послѣ четвертаго: это правило такъ строго соблюдается, что во всѣхъ изданныхъ пѣсняхъ нѣтъ ни одной погрѣшности противъ него. Впрочемъ это легко для Сербъ по свойству его языка, который допускаетъ сокращенія словъ, выпускъ нѣкоторыхъ гласныхъ и т. п. Рифмы нѣтъ; иногда только попадаются созвучія, и чаще въ оборотахъ топическихъ, которые пѣликомъ повторяются въ разныхъ пѣсняхъ. Не привожу примѣровъ, потому что такія повторенія принадлежатъ всякой народной поэзіи, и извѣстны всѣмъ. Точно также постоянно повторяются въ разныхъ мѣстахъ извѣстные сравненія, эпитеты, придаваемые предметамъ, которые всего чаще попадаютъ въ пѣсняхъ. На пр., въ описаніи войска: «копья боевыя — какъ черная гора, знамена — какъ облака, а шатры — какъ снѣга.» Такъ о какомъ-нибудь небываломъ событіи говорится: «не случилось этого съ тѣхъ поръ, какъ почернѣлъ воронъ.»

Изъ эпитетовъ самыя употребительныя: холодное вино, красное вино, студеныи камень, господскія рѣчи (т. е. свойственныя господину, важныя, благородныя,) господское лицо, соколимыя очи, черная земля, яркое солнце, бѣлый дворъ, бѣлая башня и мн. др. — Что касается до языка жъсенаго, то — конечно — онъ измѣнялся съ теченіемъ времени, — и старыя пѣсни дошли до насъ не въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ вышли изъ устъ пѣвца. Однакожъ замѣчательно, что хоть старыя пѣсни переначивались, переходя изъ рода въ родъ: все таки языкъ ихъ чище, чѣмъ въ новѣйшихъ, и меньше заключаетъ въ себѣ турецкихъ словъ.

Начало пѣсенъ бываетъ различно. Иныя начинаются сравненіемъ, столь обыкновеннымъ въ нашей народной поэзіи. На пр. «громъ ли это гремитъ, земля ли трясется, или море ударяетъ въ берега? нѣтъ, это не громъ» и т. д. или: «что бѣѣетъ тамъ на зеленой горѣ: снѣга ли это, или лебеди? Кабы снѣга, они давно бы растаяли; кабы лебеди, — давно бы улетѣли. Это шатеръ Асанъ-Аги.» Таково же начало пѣсни, переведенной Пушкинымъ: «двѣ сосны вырастали рядомъ, между ними тонковерхая елка: не двѣ сосны то были, а два родные брата, между ними сестра ихъ Елица.» Нерѣдко разсказъ начинается словами: «еще заря не заблѣлась и денница не показала своего лица.» — Въ заключеніе также иногда что-нибудь прибавляется отъ пѣвца. На пр. «такъ было прежде, а теперь этого нѣтъ!» или: «такъ было, когда это случилось, — а теперь только разсказывается объ этомъ;» также: «тотъ лгалъ, кто мнѣ это сказывалъ; тотъ лгалъ, а я прилыгаю.» Иногда заключеніе

пѣсни поражаетъ слушателя неожиданностью и ловкостью оборота. Изъ многихъ примѣровъ привожу одинъ. У Секулы, племянника Янка Сибинянина (извѣстнаго Іоанна Гуниада, который также играетъ не послѣднюю роль въ сербскихъ преданіяхъ), есть невѣста. Ее сватаетъ еще Паша, и дѣвушка, обольщенная богатствомъ, отказываетъ Секулѣ. Секула вызываетъ Пашу на поединокъ, и во время бою такъ сильно ударяетъ его саблей, что разрубаетъ его на-двое съ головы до сѣдла, разсѣкаетъ сѣдло подъ нимъ, и даже лошадь захватываетъ саблей. Вотъ короткое содержаніе пѣсни. Дѣло кончено: послѣ такого удалаго подвига, кажется, нечего прибавить. Но пѣвецъ продолжаетъ: «какъ улынгалъ объ этомъ Сибинянинъ Янко, не хулить онъ и не хвалить, а насмѣхается и говоритъ Секулѣ: «страшный воинъ! удалой боецъ! Чубъ отсохла у тебя рука по локоть! Такъ чтоли должно рубить Турка?! Кабы то ударилъ Янко Сибинянинъ, — онъ разсѣкъ бы и всадника и коня, да еще и землю прихватилъ бы саблей.»

Начните читать сербскія пѣсни. При самомъ первомъ взглядѣ на содержаніе и на героевъ, дѣйствующихъ въ нихъ, вамъ бросится въ глаза главная черта этихъ пѣсней — воинственность. И это очень естественно у такого народа, какъ Сербы, и объясняется ихъ исторіей. Съ XIV вѣка, къ которому относятся древнѣйшія историческія пѣсни, Сербы находились въ безпрестанной борьбѣ съ Турками: сперва при своихъ Царяхъ и Деспотахъ, потомъ — какъ *айдуки*. Духъ воинственный никогда не угасалъ въ нихъ; до сихъ поръ храбрость почитается лучшимъ достоинствомъ мужчины; оружіе

составляетъ необходимую принадлежность каждого. Посмотрите на Черногорцевъ: защищенные своими горами отъ гнета турецкой власти, до сихъ поръ сохранившіе свою полудикую вольность, — Черногорцы, какъ нѣкогда наши Запорожцы, почитали и почитаютъ цѣлью своей жизни — борьбу съ Невѣрными. — Вотъ анекдотъ, который хорошо характеризуетъ это воинственное племя. Одного русскаго путешественника спрашивалъ его проводникъ Черногорецъ: «бывалъ ли ты въ набѣгахъ на Турокъ?» — Нѣтъ, не бывалъ, — отвѣчалъ путешественникъ. — «Эхъ, вскричалъ Черногорецъ, такъ ты вѣкъ проживешь дѣвушкой!» — Такой образъ жизни долженъ былъ по необходимости отразиться въ поэзіи: и вотъ, какъ у казаковъ — думы, такъ у Сербовъ — юнацкія пѣсни. Кровавая борьба на жизнь и смерть съ Турками — вотъ ихъ содержаніе; Сербія, то стонущая подъ игомъ турецкимъ, то ликующая побѣду надъ врагами, — вотъ главное дѣйствующее лицо, неизбѣжно являющееся въ воображеніи каждого, кто читаетъ эти юнацкія пѣсни.

Что касается до героевъ этихъ пѣсенъ, нѣкоторые изъ нихъ извѣстны намъ изъ исторіи; таковы: Царь Стефанъ Душанъ, Марко Королевичъ, Князь Лазарь, Милошъ Обиличъ, Янко Сибинянинъ (Юанитъ Гуниадъ) и др. За то многіе сохранили свои имена только въ пѣсняхъ, въ памяти народа: исторія ихъ не знаетъ. — Какъ вообще въ народной поэзіи, чудесное и сверхъ-естественное играютъ важную роль въ подвигахъ героевъ сербскихъ. Почти каждый изъ нихъ отличается необыкновенной силой, удивительной храбростью: поражаетъ враговъ десятками, даже сотнями, по-трое нани-

зываетъ на копьѣ и бросаетъ черезъ себя. Гдѣ быются такіе удалцы, тамъ поле залито кровью — до подпруги конской, а юнаку (молодцу) по шелковъй поясъ. Если такой богатырь пьетъ вино, то чара его вмѣщаетъ девять литръ; если онъ вскрикнетъ, листья осыпаются съ дерева; если при какомъ-нибудь печальномъ извѣстіи ударить себя рукой по колѣну, то платье на колѣнѣ непременно лопнетъ отъ силы удара. Самая наружность его необыкновенна: усы такъ длинны, что падаютъ на плеча, самъ онъ высокъ ростомъ, тонокъ въ поясъ; одежда — если онъ богатъ — отличается чудовищной цѣнностью, — все шелкъ да бархатъ, золото да серебро. Объ оружіи и говорить нечего; сабля дамасская, богато украшенная; иной разъ на рукояткѣ такой яркій камень, что при немъ и ночью видно, какъ днемъ; есть и копьѣ, и ружье, и шестоперъ. *) Самого коня подъ такимъ богатыремъ пѣвецъ называетъ или звѣремъ, или дракономъ. Конь — товарищъ своего хозяина во всѣхъ его подвигахъ, часто даже помощникъ, избавитель его въ какой-нибудь бѣдѣ. За то и сѣдокъ любитъ своего коня, бережетъ его, украшаетъ шелкомъ и золотомъ; самъ пьетъ вино, — и коня поитъ виномъ.

Но типъ героя сербскаго не ограничивается одной удалью, военскими подвигами: въ немъ есть и другія черты характера, доказывающія его великодушіе, честность, любовь къ отечеству и къ своимъ. Онъ не заводитъ нарочно ссоры,

*) Булаву Сербы называютъ турецкимъ словомъ *топузинъ*; если же шаръ булавы набить желѣзными гвоздями (перьями), то называютъ ее шестоперомъ, или *буздогономъ*.

сражается только по необходимости, уважаетъ храбрость и въ непріятелѣ. Разъ Марко Королевичъ побѣдилъ въ битвѣ одного Турка, и когда разсѣкъ ему грудь, то увидѣлъ, что у него тройныя ребра и тройное сердце; онъ заплакалъ и сказалъ: «о Боже мой! я погубилъ молодца, который былъ лучше меня самого!» Тотъ же Марко, видя, какъ Турки угнетаютъ его единовемцевъ, — плачетъ, и говоритъ, что онъ лучше хочетъ умереть, нежели сносить позоръ своей земли. — Съ любовью къ отечеству и къ своему семейству герой сербскій соединяетъ безконечную дружбу къ *побратиму*. А побратимство — дѣло важное въ жизни юкана, обычай, свято сохраняемый до сихъ поръ. Молодые люди, по обоюдному согласію, дѣлаются названными братьями, побратимами. Тогда у нихъ все общее — жизнь и смерть. Часто узы такого братства священнѣе, чѣмъ кровное родство. Въ сербскомъ языкѣ даже существуютъ особенные глаголы: *братимити*, *сестримити*, т. е. упрашивать какъ брата, какъ сестру.

Странную роль играетъ женскій полъ въ народныхъ пѣсняхъ. Воинственный бытъ народа и воинственный духъ поэзіи его даютъ мало мѣста вліянію женщины. Потому-то женщина, въ эпическихъ пѣсняхъ сербскихъ, играетъ второстепенную роль. Всмотритесь въ ея характеръ, какъ онъ выставляется въ пѣсняхъ: она ниже мужчины, зависитъ отъ него и повинуется ему; на вѣрность женскую полагаться не возможно, довѣряться женщинѣ опасно. До какой степени можетъ быть пагубно вліяніе ея, доказывается въ одной замѣчательной пѣснѣ о двухъ братьяхъ. Жили — были два брата, Миланъ и Драгутичъ, нѣжно любившіе другъ друга.

Задумалъ Миланъ жениться. Напрасно отговаривалъ его Драгутинъ, предсказывая, что чужая дѣвушка поссоритъ и разлучитъ ихъ. Миланъ не послушался, и женился. Въ самомъ дѣлѣ молодая жена возненавидѣла деверя, и наговорами своими довела мужа до того, что тотъ рѣшился погубить брата. Но онъ не хочетъ прямо напасть и своей рукой убить его, и вотъ жена совѣтуетъ ему звать брата на охоту, навести его на льва, и оставить безъ помощи. Такъ и сдѣлано. Миланъ зоветъ брата на охоту; Драгутинъ сначала отказывается, говоря, что видѣлъ дурной сонъ, — напоследокъ соглашается. Передъ отправленіемъ на охоту Драгутинъ заходитъ къ невѣстѣ: она принимаетъ его ласково, угощаетъ, онъ даритъ ее, и отъ нея также получаетъ подарокъ. Отправляются на охоту. Какъ было условлено, такъ и сдѣлалъ Миланъ. Драгутинъ поставленъ на такое мѣсто, на которое долженъ броситься левъ; братъ и товарищи оставляютъ его. Левъ нападаетъ на Драгутина. Этотъ, видя опасность, кричитъ: «братъ Миланъ, гдѣ ты! помоги мнѣ: на меня напалъ левъ!» Когда услышалъ это Миланъ, стало жаль ему роднаго брата, онъ бросился на помощь къ нему, но поздно: онъ нашелъ только трупъ брата. — Миланъ ѣдетъ домой, идетъ въ теремъ жены, и выбрасываетъ ее изъ окна на мощный дворъ; покидаетъ домъ и имѣнье, и отправляется бродить по бѣлому свѣту.

Вотъ въ какомъ невыгодномъ свѣтѣ иногда представляетъ Сербъ женщину. Въ этомъ отношеніи, онъ недалеко ушелъ отъ своего сосѣда Турка. Однакомъ та-

кія мрачныя черты не составляютъ общей характеристики женщинъ: часто встрѣчаются, особливо въ женскихъ пѣсняхъ, образцы женской красоты, нѣжности и привязанности къ милому или къ мужу:—Не угодно ли посмотрѣть на изображеніе красавицы въ сербскихъ пѣсняхъ? Какъ при изображеніи богатыря пѣвецъ не щадилъ яркихъ красокъ, — такъ и при описаніи женской красоты онъ даетъ волю своей фантазіи. Лицо красавицы уподобляетъ снѣгу, румянецъ — розѣ; очи непременно черныя; брови иногда сравниваются съ шивками, станъ — съ тонкой сосной или елью; любимый эпитетъ дѣвушкѣ: *роза, золото, жемчугъ*. Вотъ какъ, на примѣръ, въ одной пѣснѣ описывается дѣвушка Росанда, сестра капитана Леки: » сколько есть земли на всѣ четыре стороны, всей земли — турецкой и христіанской: не найти такой другой дѣвушки (какъ Росанда), — ни Турчанки, ни Христіанки, ни стройной Латинки! Кто видалъ силу на горѣ, — и вила съ ней не сравнится. Дѣвушка росла взаперти, росла — говорить — пятнадцать лѣтъ, — и не видала ни солнца, ни мѣсяца ». Эта послѣдняя черта показываетъ высшую степень изъясканнаго воспитанія; иногда еще прибавляется: « не видала ни солнца, ни мѣсяца; не знаетъ она, какъ хлѣбъ родится, какъ трава растетъ, не знаетъ, — что такое мушнина. »

Таковы герои и героини въ народныхъ пѣсняхъ Сербовъ. — Кромѣ того, дѣйствующими лицами бываютъ еще существа мнѣстескія, общія всякой народной поэзіи: огненные змѣи, крылатые кони, золотыя рыбы и т. п. Но чаще всего встрѣчаются *смы*. *Вилы* — что-то въ родѣ нимфъ или нашихъ русалокъ. Народъ представляетъ ихъ молодыми, пре-

красными дѣвицами, которыя живутъ преимущественно на горахъ, также въ лѣсахъ и около водъ. Онѣ являются въ бѣломъ тонкомъ платьѣ, съ распушенной по плечамъ косой. Онѣ не дѣлаютъ никому зла, но мстятъ тѣмъ, кто ихъ разсердитъ. — Вѣрованіе въ вилъ распространено по всей Иллиріи, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ называютъ »морскими дѣвицами«. Въ Богеміи онѣ также были нѣкогда извѣстны. Теперь ихъ называютъ тамъ »лѣсными паннами»; рассказываютъ, что въ ночь на Іоанна Крестителя онѣ имѣютъ самую большую власть надъ человѣкомъ, и потому опасно въ это время ходить въ поле, а особливо въ лѣст. — Въ сербскихъ пѣсняхъ вилы обыкновенно называются *горными* или *бѣлыми*. Иногда онѣ представляются раздражительными и мстительными; но чаще являются, какъ благодѣтельные существа: покровительствуютъ какому-нибудь герою, избавляютъ его отъ бѣды, извѣщаютъ объ опасности, даже лечатъ ему раны. —

Послѣ этой общей характеристики, посмотримъ ближе, — въ чемъ состоитъ содержаніе пѣсенъ, какіе герои, какіе случаи описываются въ нихъ, какъ отразились въ пѣснѣ извѣстныя событія изъ жизни народа Сербскаго.

Въ историческомъ отношеніи можно раздѣлить всѣ пѣсни на три отдѣла.

Первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ — по всей вѣроятности — самыя старыя пѣсни, въ которыхъ замѣтно сильное вліяніе языческихъ повѣрій. Дѣйствующими лицами въ этихъ пѣсняхъ: вилы, огненные змѣи и т. п. Есть даже одна пѣсня, въ которой является «старѣйшина дивовъ»; но эта пѣсня — какъ

видно — сильно искажена и испорчена въ позднѣйшее время.

Къ этому же отдѣлу должно отнести и тѣ пѣсни, въ которыхъ съ языческими преданіями перемѣшаны христіанскія понятія и вѣрованія. Такъ на пр., въ пѣснѣ «святые дѣлятъ имущество», говорится, что при раздѣлѣ богатствъ природы св. Петръ взялъ на свое попеченіе виноградъ и пшеницу и ключи отъ царствія небеснаго; Ілія — молнію и громы; Пантелій — лѣтній зной; Іоаннъ — кумовство и побратимство; Николай — воды. Какъ не вспомнишь здѣсь и нашихъ народныхъ повѣрій объ Іліи, производителѣ молніи, и о Николаѣ, покровителѣ плавающихъ. По этому-то въ сказкѣ о Садкѣ богатомъ гостѣ (въ Сборникѣ Кирши Данилова), этотъ отважный гость-корабельщикъ оказываетъ особенное почтеніе Чудотворцу Николаю, и пользуется его покровительствомъ. — Такого рода легенды-пѣсни очень сходны съ нашими стихами «о Лазарѣ, о Страшномъ Судѣ, объ Алексѣ Божіи Человѣкѣ и т. п. Ихъ поютъ, какъ у насъ, такъ и у Сербовъ, — нищіе, преимущественно слѣпые. Въ провинціяхъ сербскихъ, принадлежащихъ Австріи, пѣвцы мало знаютъ юнацкихъ пѣсенъ. Ходя отъ дома до дома, они останавливаются подъ окнами и поютъ подобные стихи, чтобъ получить подаваніе. У церквей, монастырей, особливо по праздникамъ, непременно являются такіе пѣвцы, поютъ свои *слѣпачке пѣсме* и сопровождаютъ пѣніе игрой на гусляхъ.

Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ пѣсни, относящіяся къ XIV вѣку. Этотъ отдѣлъ самый любопытный: пѣсни, принадлежащія этому времени, служили и служатъ образцомъ для послѣдующихъ; нынѣшніе пѣвцы берутъ оттуда готовые

обороты, эпитеты, сравненія и т. п. — Самыя событія, вос-
пѣваемые этими гѣснями, возвышаютъ ихъ важность для
Серба. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть для него любо-
пытнѣе, трогательнѣе, что ближе къ его сердцу, — какъ не
воспоминаніе о минувшей славѣ его родины и о ея паденіи!

Въ первой половинѣ XIV вѣка, т. е. въ царствованіе
Стефана VI Душана, Сербія достигла высокаго политическаго
значенія. Стефану повиновались земли Балканскаго полуост-
рова, отъ Чернаго моря до Адриатическаго, и отъ Дуная
до Архипелага, — т. е. почти вся нынѣшняя Европейская
Турція, кромѣ Фракіи и Халкиды. Онъ неограниченно пове-
лѣвалъ своимъ государствомъ, сдѣлалъ его грознымъ для
сосѣдей, далъ ему Уставъ, или сводъ законовъ (1349, 1354),
титоловалъ себя »Imperator Romanorum et Serborum«, а отъ
народа получилъ прозваніе *Сильнаго*. Всѣ его владѣнія были
раздѣлены на Княжества и Воеводства, которыя управлялись
или намѣстниками, непосредственно зависѣвшими отъ Стефана,
или вассальными владѣтелями, признававшими его господ-
ство. Онъ уже помышлялъ о завоеваніи Константинополя,
объ изгнаніи Турокъ, которые въ то время проникли въ
Европу; но неожиданная смерть разрушила его обширныя
планы (1356). Къ несчастію, наслѣдникъ его, Урошъ, не
могъ поддержать славы и силы отца своего: разнородныя
земли, повиновавшіяся Стефану Сильному, но еще не успѣв-
шія объединиться подъ его рукой, — распались; намѣст-
ники или совершенно отложились отъ молодого государя,
или признавали его власть только по наружности. Еще болѣ-
шее негодованіе между намѣстниками произошло отъ непо-

мѣрнаго возвышенія одного изъ нихъ, Вукашина: Урошъ до того простеръ свою довѣрчивость, что далъ ему титулъ и власть *Крала*, а самъ довольствовался титуломъ Императора. Вскорѣ Урошъ, утратившій всякую власть и значеніе въ своемъ государствѣ, погибъ отъ облагодѣтельствованнаго имъ Вукашина, и съ нимъ пресѣклась царствовавшая фамилія Неманичей. Убійца его сдѣлался Царемъ, но не надолго: онъ былъ убитъ въ бѣгствѣ, послѣ одного сраженія, проиграннаго Туркамъ на берегахъ Марицы (1371). Тогда честолюбцамъ открылся путь для достиженія престола. Начались смуты, и Сербія явно распадалась и ослабѣвала; между тѣмъ-какъ бокъ-о-бокъ возникало новое, страшное могущество — царство Оттоманское.

Наконецъ между претендентами престола возвысился Лазарь, бывшій нѣкогда Гофмейстеромъ (*Comes Palatii*) при Царѣ Стефанѣ Сильномъ, а потомъ намѣстникомъ Сиріи и Мачвы*). Одни изъ его противниковъ были усмирены силою оружія, другихъ Лазарь привязалъ къ себѣ родственными узами; внѣшніе враги были низложены: Лазарь сдѣлался самодержцемъ и Царемъ Сербіи, но изъ смиренія титуловалъ себя Княземъ, какъ и донинѣ называетъ его народъ. Такимъ образомъ царство Стефана Сильнаго было возстановлено, но это возстановленіе было мгновенное и ненадежное. Причины паденія не были уничтожены: многіе намѣстники признавали власть Лазаря неохотно, ждали только случая

*) Онъ происходилъ изъ фамиліи Гребляновичей, бывшей въ родствѣ — впрочемъ отдаленномъ — съ царственнымъ домомъ Неманичей.

отложиться, сносились съ вѣншими непріятелями; нѣкоторые даже передались Туркамъ и служили Султану. Чего можно было ожидать отъ такого порядка вещей, то и случилось: Сербія не могла устоять, когда на нее напалъ Султанъ Мурадъ I. Начиная войну съ Турками, Лазарь надѣялся на помощь Королей Боснійскаго и Болгарскаго, Деспота Албанскаго, на содѣйствіе своихъ зятъевъ; но между самими приближенными къ нему людьми тайлась измѣна. Вукъ Бранковичъ, женатый на старшей дочери Лазаря, Видосавѣ, былъ на сторонѣ Турокъ: желалъ лучше, чтобы Лазарь платилъ дань Султану, а не начиналъ войну съ нимъ. Въ числѣ самыхъ жаркихъ его противниковъ находился славный воевода Милошъ Обиличъ (или Кобиличъ), мужъ четвертой дочери царской Вукосавы. Между Вукомъ и Милошемъ была личная вражда, причину которой преданіе приписываетъ ссорѣ ихъ женъ. Партія желавшихъ войны взяла верхъ, — и Лазарь объявилъ разрывъ Туркамъ.

Мурадъ вызвалъ изъ Азіи своихъ сыновей Баезида и Якуба, усилилъ войско своими христіанскими вассалами, и двинулся на Сербію. Обѣ арміи сошлись на знаменитой равнинѣ Косовской*). Здѣсь, 15 Іюня 1389 г., произошла рѣшительная битва, сокрушившая самостоятельность Сербіи. — По свидѣтельству сербскихъ и греческихъ писателей, Вукъ оклеветалъ Милоша передъ Княземъ, что будто бы онъ хочетъ передаться Туркамъ. Лазарь наканунѣ битвы, за об-

*) Поле Косовское (Косово) лежитъ на берегахъ рѣки Ситницы, не далеко отъ города Приштины. Оно простирается на 20 тысячъ шаговъ длину и 5 тысячъ ширину.

щимъ пиромъ, укорилъ Милоша. Это побудило храброго воеводу на отчаянное предприятие: убить Султана Мурада. Онъ думалъ этимъ оправдать себя въ глазахъ Князя и доставить побѣду соотечественникамъ. Рано утромъ, Милошъ, вмѣстѣ съ двумя своими друзьями, Иваномъ Касанчичемъ и Миланомъ Топлицей, отправился въ станъ турецкій, какъ перебѣжчикъ, требовалъ свиданія съ Султаномъ, и когда былъ допущенъ подъ палатку, — поразилъ Мурада кинжаломъ. Сербы говорятъ, что послѣ этого онъ и друзья его еще долго бились съ Турками, но наконецъ были подавлены многочисленностію. Между тѣмъ паши скрыли отъ арміи, что Султанъ раненъ; сынъ его Баезидъ принялъ начальство и началъ битву. — Надъ правымъ крыломъ сербскаго войска начальствовалъ тестъ Князя, Югъ-Богданъ, съ своими девятью сыновьями, надъ лѣвымъ — Вукъ Бранковичъ, центромъ управлялъ самъ Лазарь. Начало битвы было счастливо для Сербовъ: правое ихъ крыло отразило непріятелей. Но когда Турки напали на лѣвое крыло, — Вукъ оставилъ дѣло Сербовъ, не захотѣлъ сражаться противъ Султана, и отступилъ съ своимъ отрядомъ; тогда и центръ и правое крыло были стѣснены. Тщетно Лазарь хотѣлъ собственнымъ примѣромъ одушевить воиновъ, и возстановить равновѣсіе битвы: все было потеряно. Югъ и его девять сыновей легли въ битвѣ; самъ Лазарь съ своимъ конемъ упалъ въ яму, вырытую для поимки звѣрей, и былъ захваченъ Турками. Плѣнный Князь былъ приведенъ въ палатку умирающаго Мурада; здѣсь убѣдился онъ въ измѣнѣ Вука, узналъ геройство Милоша, и тутъ же, по приказанію Султана, былъ

убить. *) Такъ погибъ Князь Сербскій, и съ нимъ самостоятельность его царства; но воспоминаніе о Лазарѣ донынѣ священо у Сербовъ; донынѣ славятъ они его кротость, благочестіе и мужество; сохраняютъ мощи его, и въ Лазареву субботу празднуютъ память своего послѣдняго Царя.

Къ этому-то времени относится большое количество пѣсенъ. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ составляютъ два цикла: однѣ воспѣваютъ подвиги Марка Королевича, другія — Косовскую битву.

Марко Королевичъ есть лицо историческое. Онъ происходилъ отъ Мернявца (или Мерлявца), у котораго было три сына: Вукашинъ, Гойко и Улѣша (или Углѣша). Вукашинъ уже извѣстенъ намъ, какъ любимецъ послѣдняго Неманича, Уроша; мы знаемъ, что онъ носилъ титулъ Краля, и погибъ послѣ битвы съ Турками при Марицѣ. Онъ оставилъ четырехъ сыновей. Изъ нихъ старшій — и есть тотъ самый Марко, который занимаетъ первое мѣсто въ героическихъ сказаніяхъ Сербовъ и называется обыкновенно въ пѣсняхъ Маркомъ Королевичемъ или Маркомъ *од Прилипа* (т. е. изъ города Прилипа). По смерти отца, Марко и его братья до-

*) Сказаніе сербскихъ и греческихъ писателей объ этихъ происшествіяхъ согласны между собой. Истина ихъ подтверждается также современнымъ извѣстіемъ одного русскаго духовнаго, который былъ съ Митрополитомъ Пименомъ въ Греціи, и оставилъ свои путевыя записки (см. И. Г. Р. Карамзина, V т., прим. 133). Разказы турецкихъ историковъ, согласные въ главныхъ чертахъ съ сербскими и греческими, нѣсколько разнятся въ подробностяхъ. См. *Geschichte des Osmanischen Reiches*, durch J. v. Hammer. I, 210 — 215.

могались царской власти; но не имѣвши успѣха, признали господство Турокъ, платили имъ дань и должны были помогать Султану, какъ вассалы. Это подчиненіе Туркамъ, смертельнымъ врагамъ Сербовъ и всѣхъ Христіанъ, по-видимому, не согласно съ тѣмъ обожаніемъ, какое Сербы оказываютъ своему народному герою; но мы увидимъ ниже, что преданіе объясняетъ это по-своему. Впрочемъ, тѣже пѣсни рассказываютъ, что Марко, служа Султану, никогда не забывалъ своего отечества и своего достоинства: былъ болѣе союзникомъ, чѣмъ подчиненнымъ, и Султанъ не только уважалъ, но даже боялся его. — Разказы о его подвигахъ — безчисленны; Венелинъ говоритъ, что въ Болгаріи каждый мальчикъ знаетъ нѣсколько преданій о Маркѣ; многія развалины древнихъ укрѣпленій носятъ его имя. Однакожъ вѣрныхъ и положительныхъ извѣстій о его жизни — мало. Знаемъ, что онъ служилъ Туркамъ, и что умеръ на службѣ Султану. Помогая Базиду противъ Валашскаго Бана Мирче, онъ былъ раненъ стрѣлой въ шею, и умеръ отъ этой раны. Указываютъ даже и теперь развалины старой церкви, недалеко отъ Неготина, и утверждаютъ, что тутъ погребъ Марко, и что эта церковь сооружена надъ его гробомъ. Мы приведемъ дагѣ нѣсколько народныхъ преданій о его смерти, несогласныхъ съ исторіей.

Въ сборникѣ Вука Стефановича помѣщено 27 пѣсень, воспѣвающихъ разныя событія изъ жизни Марка Королевича и подвиги, имъ совершенные. Первая изъ нихъ, называемая «Урошъ и Мерлявчевици», можетъ служить вступленіемъ, или прологомъ, къ прочимъ пѣснямъ; потому что она

разсказываетъ о первомъ славномъ дѣлѣ Марка, да сверхъ того въ ней объясняется вся послѣдующая судьба его. Мы уже знаемъ, что по смерти царя Стефана Сильнаго, малолѣтній сынъ его Урошъ не могъ удержать въ повиновеніи вельможъ своего государства. Къ этому—то времени и относится наша пѣсня, разсказывающая о покушеніи трехъ братьевъ Мерлявчичей, Вукашина (Маркова отца), Угльша и Гойка, отнять престолъ у Уроша. — На славномъ Косовскомъ полѣ, близъ бѣлой церкви Самодрежи, раскинуты четыре палатки; онѣ принадлежатъ Урошу и тремъ Мерлявчичамъ. Всѣ четверо спорятъ о царствѣ, готовы сразиться другъ съ другомъ изъ за него. Наконецъ рѣшаются призвать протопопа Недѣлька, который причастилъ Царя передъ смертью, и хранитъ у себя его завѣщаніе. Недѣлько отвѣчаетъ, что завѣщанія у него нѣтъ. «А идите вы, говорятъ онъ посланцамъ, въ городъ Прилипъ, ко двору Марка Королевича, моего ученика, котораго я научилъ грамотѣ, и который былъ писаремъ царевымъ: у него хранится завѣщаніе; онъ знаетъ, кому должно принадлежать царство. Зовите Марка на Косово поле; онъ скажетъ всю правду; потому что онъ никого не боится, кромѣ одного истиннаго Бога». Послы отправляются къ Марку, и разсказываютъ ему все дѣло; онъ ѣдетъ на Косово поле. Вукашинъ обрадовался, когда увидѣлъ, что сынъ его долженъ рѣшить споръ о наслѣдствѣ. «Слава Богу! (говоритъ онъ) Марко скажетъ, что царство — мое, а отъ отца оно перейдетъ и къ сыну!» — «Скажи, Марко, — говоритъ воевода Угльшъ, — что царство — мое, и мы будемъ царствовать вмѣстѣ». — «Скажи, Марко, — говоритъ Гойко, — что царство — мое, и царствуй въ немъ первый, а

я буду по тебѣ послѣдникомъ». Но ихъ лстивыя слова не колебали Марка. На другой день, послѣ обѣдни, онъ собираетъ всѣхъ, укоряетъ отца и дядей въ корыстолюбіи, и показываетъ завѣщаніе, въ которомъ царство отдано законному наслѣднику — Урошу. Какъ услышалъ это Вукашинъ, онъ схватилъ свой золоченый кинжалъ, и бросился на сына. Марко ударился въ бѣгство отъ отца. Три раза оббѣжали они вокругъ церкви Самодрежи; Вукашинъ ужъ настигалъ Марка; вдругъ изъ церкви кто-то вскричалъ: «бѣги сюда, Марко, а не то — погибнешь отъ своего отца!» Отворились церковныя двери, пропустили Марка, и захлопнулись снова. Вукашинъ прибѣжалъ и ударилъ въ двери кинжаломъ; оттуда брызнула кровь.... Спohватился онъ, и вскричалъ: «Боже мой! я погубилъ сына Марка!» Но изъ церкви кто-то промолвилъ: «Не Марка ранилъ ты, Вукашинъ, но Божія ангела!» И досадно стало Вукашину на сына, онъ клянетъ его и проклинаетъ: «Да убьетъ тебя Богъ, сынъ Марко! Чтобъ не было тебѣ гроба! Чтобъ не имѣлъ ты потомства! Чтобъ до тѣхъ поръ ты не изронилъ души своей, пока не послужишь Турецкому Царю!» Такъ проклинаетъ Вукашинъ, но Урошъ благословляетъ: «Да помогаетъ тебѣ Богъ, кумъ мой Марко! Да свѣтло твое лицо на совѣтѣ! Да остра твоя сабля на битвѣ! Да не будетъ юнака выше тебя! Да поминаютъ вездѣ имя твое, пока свѣтятъ солнце и мѣсяцъ!» Пѣсня оканчивается стихомъ:

«Какъ сказали, такъ съ нимъ и случилось.»

Такимъ-то образомъ объясняетъ народное преданіе судьбу своего героя: его доблестные подвиги и въ тоже время подчи-

неніе Султану. Все злое въ его жизни происходило отъ того, что надъ нимъ тяготѣло незаслуженное проклятіе отца; а все доброе — было слѣдствіемъ благословенія Царя Уроша.

Мы не станемъ рассказывать содержанія другихъ пѣсенъ. Въ нихъ вездѣ Марко является героемъ: то защищаетъ своихъ соотечественниковъ отъ притѣсненій, то исполняетъ разныя опасныя порученія Султана. Съ своимъ конемъ *Шарцемъ* (Сѣрко) и съ своимъ тяжелымъ шеспоперомъ онъ готовъ идти на всякую опасность. И все ему уступаетъ; даже горныя вилы боятся его и повинуются ему. Онъ служитъ Султану, но служитъ больше какъ союзникъ, а не какъ подчиненный; часто ссорится съ Турками, часто не слушается Султана. Съ своей стороны, и Султанъ уважаетъ и любитъ Марка, боится его разсердить. Разъ Марко въ ссорѣ убилъ Визиря, и Султанъ нисколько не разгнѣвался. «Всякій Турокъ — сказалъ онъ — можетъ быть Визиремъ, а такого юнака, какъ Марко, не найдешь.»

Мы уже видѣли, какъ кончилось поприще сербскаго героя: онъ былъ убитъ въ битвѣ съ Валахами. Но въ народѣ сохранились разныя преданія о его смерти. Одни говорятъ, что онъ не хотѣлъ жить, когда вошли въ употребленіе ружья. Выстрѣливши какъ-то разъ изъ ружья, онъ нечаянно ранилъ себѣ руку, и сказалъ: «теперь и такая ничтожная вещь можетъ погубить самаго славнаго юнака!» Другіе рассказываютъ, что онъ не умеръ, а удалился куда-то, въ неизвѣстное мѣсто, и тамъ спитъ непробудно въ пещерѣ; мечъ его виситъ на стѣнѣ, а конь пасется передъ пещерой. И когда придетъ пора, онъ пробудится, возьметъ свой мечъ, ся-

детъ на коня, и снова явится на свою родную землю. Въ Сборникѣ Вука Стефановича есть одна пѣсня, рассказывающая еще иначе конецъ жизни Марка. Вотъ ея содержаніе. Рано утромъ проѣзжалъ разъ Марко покрай моря, по горѣ Урвинѣ. И когда онъ поднимался на гору, Шарацъ началъ спотыкаться и проливать слезы. — Мы уже знаемъ, что Шарцемъ назывался конь Марка. Это былъ конь не простой, а вѣщій, одаренный высшей силой: слѣдовательно, читатель не долженъ удивляться, что Шарацъ предчувствуетъ бѣду и плачетъ. Вспомните, что и конь Ахиллеса, буриногой Ксанѣъ, предрекъ своему господину участь, его ожидавшую. — И сказалъ Марко: «что съ тобой, добрый конь мой? Вотъ уже будетъ сто шестьдесятъ лѣтъ, какъ мы съ тобой не расстаемся, и ты никогда не спотыкался; а теперь ты спотыкаешься и проливаешь слезы.» Въ это время кликнула вила съ вершины горы: «побратимъ, Королевичъ Марко! Шарацъ жалѣетъ тебя, своего господина: скоро вы должны будете разстаться.» Не вѣритъ Марко: «возможно ли это! Я исходилъ землю и города, прошелъ отъ востока до запада, — не нашелъ коня лучше Шарца, ни юнака славнѣе меня. Не расстанусь съ Шарцемъ, пока есть голова на плечахъ!» Отвѣчаетъ вила: «никто у тебя не можетъ отнять Шарца, и самъ ты, Марко, не умрешь отъ другаго юнака, ни отъ сабли и шестопера, ни отъ боеваго копья: но ты умрешь, Марко, отъ самого Бога! А если не вѣришь мнѣ, то какъ будешь на вершинѣ горы, увидишь двѣ тонкія ели, между ними свѣтлый источникъ: сойди съ коня, поглядишь въ источникъ, — ты увидишь свое лицо, и узнаешь, когда долженъ

умереть». Марко послѣдовалъ ея совѣту, и увидѣлъ, что смерть его близка. Тогда онъ вынулъ саблю и отсѣкъ голову Шарцу, чтобы онъ не достался Туркамъ, не подвергся бы низкимъ работамъ. Съ честью схоронилъ онъ своего коня; — лучше (прибавляетъ пѣсня), чѣмъ своего брата Андрея. На-четверо раздробилъ Марко свою саблю, чтобы не попала сабля Туркамъ, чтобъ Турки не хвалились: вотъ-де что намъ досталось отъ Марка. Изломалъ боевое копье, кинулъ въ море свой тяжелый шестоперъ, и примолвилъ: «когда выйдетъ мой шестоперъ изъ моря, тогда явится богатырь, подобный мнѣ!» Потомъ Марко написалъ завѣщаніе о деньгахъ, которыя остались при немъ: одну часть изъ нихъ тому, кто похоронитъ мое тѣло; другую — на украшеніе церкви; третью — хромымъ и слѣпымъ: пусть слѣпые ходятъ по свѣту, пусть поютъ и поминаютъ Марка. Повѣсилъ письмо на вѣтви дерева, скинулъ съ себя зеленую доламу (верхняя одежда), разостлалъ ее подъ деревомъ, перекрестился, легъ на доламу, легъ — и ужъ больше не вставалъ.... И такъ лежалъ онъ долго: кто проходилъ мимо по дорогѣ, всякій думалъ, что Марко спитъ, и обходилъ подале, боясь разбудить его. И вотъ ѣхалъ по той дорогѣ Святогорскій игуменъ съ своимъ ученикомъ. Увидавши Марка, онъ погрозылъ ученику: «потихе, сынъ мой! не разбуди Марка: онъ сердитъ бываетъ со сна.» Но вдругъ увидѣлъ онъ письмо на деревѣ, прочиталъ его и заплакалъ. И сталъ думать Святогорецъ, гдѣ бы похоронить Марка. Взялъ его съ собой и отвезъ на Святую Гору, и похоронилъ среди бѣлой церкви Хиландарской. Не поставилъ ему никакого па-

мятника, чтобъ никто не зналъ могилы Марка, чтобъ враги надъ ней не издѣвались. —

Теперь обратимся къ другому циклу сказаній, къ пѣснямъ о Косовской битвѣ. Здѣсь нѣтъ одного главнаго героя, около котораго сосредоточивалось бы все дѣйствіе: здѣсь является и Князь Лазарь, и тестъ его Югъ-Богданъ съ своими девятью сыновьями, и измѣнникъ Вукъ Бранковичъ, и доблестный Милошъ. Но нельзя не замѣтить, что Милошъ рѣзче другихъ выставляется въ преданіяхъ народа. Любятъ вспоминать о немъ, указывать мѣста, связанные почему-нибудь съ его жизнію или съ его именемъ. — Отчество его «Обиличъ» или «Кобиличъ» объясняется различно. Въ одной пѣснѣ («Сестра Капитана Леки») говорится, что Милоша нашли младенцемъ въ ясляхъ у *кобылы*, что она питала его, и потому дано ему прозвище *Кобиличъ*. Другое преданіе рассказываетъ, что *обиліе* молока въ груди его матери дало ему прозваніе *Обилича*.

Я уже изложилъ, хотя коротко, ходъ битвы Косовской и подвиги Милоша. Такъ какъ въ рассказѣ своемъ, я большею частью руководствовался сербскими преданіями; то считаю излишнимъ передавать содержаніе пѣсенъ, воспѣвающихъ разныя событія этой эпохи. Для примѣра перескажу одну изъ нихъ, подъ названіемъ: Царь Лазарь и Царица Милица. — Царь Лазарь сидитъ за ужиномъ, съ нимъ царица Милица. И говоритъ она: «Царь Лазарь, сербская золотая корона! Ты завтра идешь на битву, и уводишь съ собой слугъ и воеводъ, уводишь и моихъ девять братьевъ Юговичей. Оставь со мной хоть одного брата,

оставь мнѣ Бошка Юговича (это былъ меньшой братъ ея).» Тогда сказалъ Князь Лазарь: «какъ завтра разсвѣтаетъ, ты иди къ городскимъ воротамъ: тамъ пойдутъ наши войска, тамъ увидишь Бошка; скажи, что я позволяю ему остаться съ тобой.» Настаетъ день, Царица ждетъ у воротъ, и видитъ Бошка, который везетъ царское крестовое знамя. Она бросается къ нему, обнимаетъ и говоритъ, что Царь позволялъ ему не идти на битву. Но Бошко Юговичъ отвѣчаетъ: «иди, сестра, въ свой бѣлый теремъ. Я не ворочусь, не отдамъ знамени, хоть бы Царь мнѣ подарилъ Крушевацъ. Тутъ-то бы дружина сказала: смотрите-ка! трусь Бошко не смѣетъ идти на Косово, пролить кровь за крестъ честной и умереть за свою вѣру.» Тогда царица дожидается другого брата своего, Воина; но и этотъ отказался остаться съ ней. «Не останусь, говорилъ онъ, хоть бы зналъ, что погибну. Хочу пролить кровь за крестъ честной и умереть съ братьями за вѣру.» — Какъ услышала эти рѣчи царица, она упала безъ чувствъ на землю. А вотъ ѣдетъ и самъ Князь Лазарь. Онъ видитъ жену свою; озирается, и подзываетъ слугу Голубана: «Голубанъ, слуга мой вѣрный! возьми царицу и отнеси въ высокій теремъ, и самъ останься при ней, не ходи на Косовскій бой.» Заплакалъ слуга Голубанъ; взялъ царицу и отнесъ въ высокій теремъ; но не могъ одолѣть своего сердца: воротился, снова сѣлъ на коня и поѣхалъ на Косовское поле. — На другой день рано утромъ прилетѣли два черныхъ ворона отъ широкаго Косовскаго поля, спустились и сѣли на теремъ царскій. Одинъ заграялъ, а другой промолвилъ: «это ли теремъ славнаго князя Лазаря?»

И не слыхалъ того никто въ теремѣ, кромѣ царицы Милицы. Она выходитъ изъ терема и спрашиваетъ вороновъ: «скажите мнѣ, черные вороны, откуда вы летите? Не отъ Косовскаго ли широкаго поля? Не видали ли тамъ два сильныхъ войска? Бились ли войска эти? Кто побѣдилъ изъ нихъ?» — Говорятъ два черные ворона: «о царица Милица! Мы точно отъ Косовскаго поля; видѣли тамъ два сильныхъ войска; войска сразились вчера; погибли тутъ оба царя; отъ Турокъ остались не многіе; а отъ Сербовъ — кто и остался, всѣ изранены и окровавлены.» И когда они такъ говорили, подъѣхалъ слуга Милютинъ, весь покрытый ранами. Царица приступаетъ къ нему съ вопросами: «что было, скажи, на Косовскомъ полѣ? Гдѣ погибъ славный Князь Лазарь? Гдѣ погибъ старшій Югъ-Богданъ? Гдѣ погибли девять Юговичей? Гдѣ погибъ Милошъ воевода? Гдѣ погибъ Вукъ Бранковичъ? Гдѣ погибъ Бановичъ Страхиныя?» — Тогда слуга началъ рассказывать: « всѣ остались, госпожа моя, на Косовѣ. Гдѣ погибъ славный Князь Лазарь, тутъ много поломано копій и турецкихъ, и сербскихъ. Погибъ и Югъ при началѣ боя, погибли и восемь Юговичей; но еще остался Бошко, еще вѣтся на Косовѣ его крестовое знамя, еще разсыпаетъ онъ толпы Турокъ, какъ соколъ стаи голубей. Гдѣ кровь пролилась до колѣна, тутъ погибъ Бановичъ Страхиныя. Милошъ погибъ у студеной рѣки Ситницы, гдѣ много побито Турокъ; Милошъ убилъ турецкаго царя Мурата и двѣнадцать тысячъ Турокъ; да спасетъ Богъ того, кто родилъ его: онъ оставилъ память роду сербскому, чтобъ говорили и рассказывали, пока существуютъ люди и

Косово! А за тѣмъ спрашиваешь о проклятомъ Вукѣ? Да будетъ проклятъ тотъ, кто родилъ его, да будетъ проклято его племя и колено: онъ выдалъ Царя въ битвѣ, онъ отвелъ двѣнадцать тысячъ войска!» —

Послѣ окончательнаго покоренія Сербіи Турками, которое случилось въ XV столѣтіи, чуждое иго тяжело легло на народъ. Воинственные Сербы, которые въ междоусобныхъ смутахъ не могли дать дружнаго отпора завоевателямъ, должны были подчиниться Туркамъ: тѣмъ не менѣе отдѣльные лица. — тамъ и сямъ — не могли выносить ярма. Множество Сербовъ бѣжало и переселилось въ сосѣднія государства; а тѣ, которые не могли или не хотѣли совершенно покинуть родину, убѣгали въ горы. Тамъ составлялись удалыя дружины изъ такихъ бѣглецовъ, дружины, жившія грабежомъ, безпрестанно нападавшія на Турокъ, иногда не спускавшія и своимъ. Иной разъ даже и не притѣсненія, не опасность, — а просто удалство, желаніе погулять на всей молодецкой волѣ манило Серба: онъ бралъ на плечо ружье, и отправлялся въ горы, къ *Гайдукамъ*, какъ ихъ называютъ. Припомнимъ здѣсь, что Клефты, такъ прославившіеся въ войнѣ за независимость Греціи, были тоже, что сербскіе гайдуки. Наши старинные козаки и ушкуйники, имѣютъ также много общаго съ ними. Турки смотрѣли и смотрятъ на гайдуковъ, какъ на разбойниковъ, и — правду сказать — они имѣютъ на это достаточныя причины. Но соотечественники совсѣмъ не считаютъ ремесло гайдуковъ такъ унижительнымъ, и во время возстанія Сербовъ многіе изъ этихъ удалцовъ сдѣла-

лись славными предводителями дружинъ. Таковъ былъ и знаменитый Георгій-Черный.

Безчисленные похождения этихъ *лыцарей* составляютъ содержаніе огромнаго количества пѣсенъ; мы отнесемъ ихъ къ *третьему отдѣлу*. Многіе изъ гайдуковъ были отличные пѣвцы, которые не только знали множество пѣсенъ, но и сами слагали ихъ. — Впрочемъ надобно признаться, что въ этихъ гайдуцкихъ пѣсняхъ (особенно, чѣмъ новѣе время ихъ составленія) — вымыселъ и разсказъ менѣе оригинальны, чѣмъ въ предыдущемъ отдѣлѣ. Даже видно, что пѣвецъ съ намѣреніемъ подражаетъ старымъ пѣснямъ, пользуется готовыми оборотами, готовыми приемами. Также и турецкое игло наложило на эти пѣсни свою печать, и рѣзко отличило ихъ отъ старыхъ. Не говоря уже о томъ, что въ языкѣ этихъ пѣсенъ чаще встрѣчаются турецкія слова: поражаешься измѣненіемъ самаго характера. Чѣмъ новѣе пѣсня, тѣмъ болѣе замѣчаешь въ ней жестокости, ненависти, часто возмутительной, и ужъ нисколько не поэтической: такъ и видно людей, сердце которыхъ, ожесточенное насиліями, не знаетъ жалости, веселится страданіями другихъ.

Эти пѣсни увѣковѣчили имена многихъ гайдуковъ. Таковъ Старина Новакъ съ своимъ товарищемъ Радивоемъ и сыномъ Групцей. Вотъ какъ этотъ старикъ разсказываетъ въ одной пѣснѣ, почему онъ сдѣлался гайдукомъ. «Когда—говоритъ онъ—Ирина строила Смедерево,—нарядила меня на работу. Я работалъ ровно три года, возилъ бревна и камни на своихъ волахъ и телѣгахъ, и за всѣ три года не получилъ ни пары, ни динара (мелкія турецкія деньги), не

выслужилъ обуви на ноги. Все бы это ничего! Да какъ построила она Смедерево, стала строить башни, золотить двери и окна, и наложила подать на всю область: съ каждаго дома по три литры золота. У кого было, тотъ и платилъ, и оставался; а я былъ человекъ бѣдный, нечѣмъ было мнѣ заплатить: я взялъ заступъ, которымъ работалъ, и пошелъ въ гайдуки. Когда проходилъ я близъ Романіи, повстрѣчались мнѣ турецкіе сваты съ женихомъ и невѣстой. Всѣ миновали спокойно; но женихъ, проѣзжая мимо, ударилъ меня по спинѣ нагайкой. Я умолялъ его пощадить меня, но онъ не слушалъ, и еще сильнѣе ударилъ. Я рассердился, хватилъ его заступомъ и сшибъ съ коня. Мигомъ подскочилъ я къ нему, еще ударилъ раза два-три, такъ-что тотъ и съ душой разстался, — обыскалъ ему карманы, нашелъ тамъ три кошелька съ деньгами, отвязалъ его саблю, взялъ все себѣ, сѣлъ на его коня и поѣхалъ прямо къ горѣ Романіи, — и только заступъ свой оставилъ, чтобъ было чѣмъ Туркамъ зарыть жениха.»—Таковъ же былъ гайдукъ Стоянъ Янковичъ, который говоритъ въ одѣй пѣснѣ: «нѣтъ у меня друга, кромѣ Бога да меня самого!» Эти слова живо характеризуютъ удалыхъ гайдуковъ, у которыхъ не было отечества, которые часто враждовали столько же съ своими, сколько съ Турками.—Каждый замѣчательный гайдукъ имѣлъ свою дружину, готовую идти съ нимъ въ огонь и въ воду. Вотъ какое средство употребляетъ одинъ изъ нихъ, Сенянинъ Тадія, чтобъ испытать своихъ товарищей: онъ велитъ принести барана, сдираетъ съ него съ живаго шкуру, и такъ пускаетъ. Когда дружина спрашиваетъ, для чего

онъ это сдѣлалъ, Тадія говоритъ: «кто изъ насъ попадет-ся къ Туркамъ, потерпится еще болѣе мѣи; если вы бонтеся, — оставьте меня и ступайте себѣ домой!» —

Къ этому же отдѣлу — если не по содержанію, то по времени составленія — должно отнести многія и не гайдупція мѣси. Между такими въ Сборникѣ Вука Стефановича должны обратить наше особенное вниманіе нѣсколько пѣсенъ, въ которыхъ главную роль играютъ *Москови*, т. е. Русскіе. — Наши войны съ Турціей не могли не произвести впечатлѣнія на Сербовъ. И въ самомъ дѣлѣ, Русскіе считаются въ пѣсняхъ сербскихъ естественными врагами Невѣрныхъ и пользуются репутаціей удалыхъ воиновъ (*Москови су одъ боя юнани*).

Одна изъ пѣсенъ, гдѣ являются на сцену Русскіе, воспѣваетъ извѣстную осаду Турками Вѣны (въ 1683 г.), и приписываетъ освобожденіе цесарской столицы — кто бы могъ этого ожидать! — *Московскому Королевичу Михаилу* *). — Начинается съ того, что Султанъ, или — какъ его называетъ пѣсня — Царь Оттоманинъ, собираетъ войско со всѣхъ краевъ своего государства; хочетъ идти подъ Бечъ (такъ Сербы называютъ Вѣну) на Кесаря. Разбиваетъ на пути нѣмецкое войско, подступаетъ подъ Бечъ, облегаетъ со всѣхъ сторонъ и жестоко тѣснитъ его. Въ этой крайности, *Кесарица* пишетъ письмо *Московскому Краю*: если-де хочешь женить своего сына Михаила на дочери Кесаря, то пошли его съ

*) Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ пѣсняхъ о Русскихъ, — имена вымышленны пѣвцомъ, который не затруднился исторіей.

войскомъ противъ Турокъ, которые покорили ужъ половину Беча. Краль Московскій сказываетъ содержаніе письма сыну. Сынъ готовъ освободить Бечъ, но требуетъ прежде, чтобъ Кесарь обѣщалъ — поститься по средамъ и по пятницамъ и соблюдать четыре годовыхъ поста. Кесарь въ крайности соглашается. Тогда Михаилъ собираетъ сильное войско, беретъ съ собою Поляковъ и идетъ къ Бечу. Царь Оттоманинъ падаетъ духомъ при видѣ московскихъ знаменъ. «Я три раза — говоритъ онъ своимъ визирямъ — воевалъ съ ними, и всѣ три раза бѣжалъ передъ ними, и никогда не гналъ передъ собой». И вотъ ударили другъ на друга войска, застонала земля около Беча. Не много погибло Христіанъ, не много осталось Турокъ. Самъ Царь бѣжитъ внизъ по Дунаю и заклиняется «единомъ и чистомъ и постомъ рамазаномъ», что никогда не придетъ войной подъ этотъ городъ, пока ходятъ солнце и мѣсяцъ.—

Еще любопытнѣе содержаніе другой пѣсни, которая называется: «московскіе подарки и турецкіе отдарини». — Пришло письмо отъ Москвы пространной къ Турецкому Царю Маезиту; при письмѣ драгоцѣнные подарки. Любуется Царь подарками, похваляется ими передъ приближенными; одно только мучитъ его: не знаетъ, чѣмъ отдарить за такія драгоцѣнности. Придворные совѣтуютъ обратиться къ старцу Патріарху: онъ-де научитъ тебя, что лучше послать великому Царю Московскому. Патріархъ совѣтуетъ послать: посохъ Саввы Неманича, золотой вѣнецъ Царя Константина, одежду св. Іоанна и крестовое знамя сербскаго Князя Лазаря. Царь вручаетъ всѣ эти дары московскимъ воинамъ; а

Патріархъ тайно научаетъ ихъ, чтобъ они не ѣхали назадъ по столбовой дорогѣ, а пробирались бы по горамъ и лѣсамъ, чтобъ избѣжать погони. Между тѣмъ къ Султану приходитъ визирь Соколовичъ, и, узнавши о подаркахъ, отправленныхъ въ Москву, говоритъ: «Что ты сдѣлалъ, Царь Султанъ, ясное солнце! Если ты послалъ эти христіанскія сокровища, то зачѣмъ ужъ не послалъ ключи отъ Стамбула: послѣ отдашь же ихъ съ безчестьемъ: вѣдь этимъ только и держалось твое царство!» Султанъ посылаетъ его тотчасъ съ янычарами догнать пословъ; но это не удается, и онъ велитъ убить Патріарха.—

Эта пѣсня основана на повсемѣстномъ повѣрьи Сербовъ, что священные предметы, упоминаемые здѣсь, были нѣкогда у Турокъ, а теперь находятся въ Россіи. — Замѣчательнъ вариантъ той же самой пѣсни, помѣщенный у Вука Стефановича. По этому варианту, Московская Царица «Госпожа Елисавета» сама требуетъ отъ Султана означенныя священные вещи, называя ихъ своей *отчиной*; обѣщаетъ за нихъ подарки, а въ противномъ случаѣ, — «сбѣрай (говорить) войска, иди на *Кіево* (пѣвецъ, вѣроятно, думалъ, что это какое-нибудь поле); будемъ биться битвой, и саблями подѣлимъ землю: или ты воротишь мою отчину, или я отпоюшу московскую саблю!» — Султанъ отвѣчаетъ, что всѣ эти вещи не у него, а у Крымскаго Царя; но этотъ послѣдній грубо отказываетъ Царицѣ, да еще грозитъ придти съ войскомъ «сравнять съ землей Петриборъ». Но Царица завоевываетъ Крымъ и возвращаетъ свою отчину. — Есть еще пѣсня, описывающая походъ Босняковъ на Московію и

гибель ихъ тамъ; переводъ ея былъ когда-то напечатанъ въ Московскомъ Наблюдателѣ.

Такихъ историческихъ пѣсенъ, каковы приведенныя теперь нами, у Сербовъ очень много. Я ужъ говорилъ, что на каждое по чему-нибудь замѣчательное событіе тотчасъ отыщутся пѣвцы между народомъ, у котораго такой родъ воинственной поэзіи безпрестанно находить для себя пищу въ образѣ жизни и понятій. Такъ возстаніе Георгія-Чернаго битвы, слѣдовавшія за этимъ возстаніемъ,—уже записаны въ поэтическую лѣтопись народа. Даже послѣдняя Венгерская кампанія, въ которой принимали такое дѣятельное участіе Хорваты, произвела нѣсколько новыхъ пѣсенъ. Всѣ такія пѣсни я отношу къ третьему отдѣлу, хотя онѣ значительно отличаются отъ гайдуцкихъ содержаніемъ и характеромъ. Причины же, почему я ихъ соединяю, заключаются въ слѣдующемъ: 1) Эти пѣсни составлены и составляются современно гайдуцкимъ, и иногда однимъ и тѣмъ же пѣвцомъ; 2) при сочиненіи ихъ, пѣвцы подражаютъ старымъ пѣснямъ (о чемъ я ужъ упоминалъ). и слѣдовательно эти пѣсни имѣютъ мало оригинальности; 3) сходство языка придаетъ имъ общій характеръ. — Не представляю здѣсь примѣра новѣйшихъ историческихъ пѣсенъ; но не могу не упомянуть, что нѣкоторыя изъ нихъ, не смотря на явное желаніе пѣвца подражать старинѣ, отличаются замѣчательнымъ умѣньемъ изобрѣсть основу пѣсни, связать разныя части событія и живо выразить все это. — Укажу здѣсь на пѣсню, о которой упоминаетъ г. Прейсъ въ своей статьѣ «о эпической народной поэзіи Сербовъ», и которая воспѣваетъ битву при Са-

лашѣ. Вотъ что говоритъ Прейсъ: въ Мартѣ 1804 г., Мачва, одна изъ возставшихъ областей сербскихъ, находилась въ крайней опасности; на нее шелъ Мегметъ-Капетанъ съ превышающей силой. — Воеводѣ Чупичу ввѣрена была защита края; съ горстію храбрыхъ онъ разбилъ непріятеля близъ Салаша, къ удивленію самихъ Турковъ. Вскорѣ послѣ этой битвы Чупичъ сидѣлъ однажды за столомъ и пировалъ съ дружиной; вошелъ пѣвецъ гуслистъ и въ превосходной пѣснѣ описалъ славный подвигъ Воеводы. Пѣсня состоитъ изъ 450 стиховъ и заключается слѣдующими словами: «кто не повѣритъ (этому подвигу), тотъ ступай и смотри глазами: громады турецкихъ костей будутъ видѣться—до тѣхъ поръ, пока будетъ течь солнце и стоять Салашъ!» Въ награду за пѣсню Воевода Чупичъ подарилъ гуслисту турецкаго коня.*)

*) Прибавленіе къ Журналу Мин. Народн. Просвѣщенія 1845 г. кн. 3-я.

THE HISTORY OF THE
CITY OF BOSTON
FROM THE FIRST SETTLEMENT
TO THE PRESENT TIME
IN TWO VOLUMES
BY NATHANIEL BENTLEY
OF THE BOSTON BAR
VOL. I.
BOSTON: PUBLISHED BY
J. B. BENTLEY, 1822.

This book should be returned
to the Librarian or before the last
month of the year

